

ИЗЛОМАННАЯ.

ПОРОГ ЗАБВЕНИЯ

Соня Белка

Соня Белка

Изломанная. Порог забвения

<https://litres.ru/74111419>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга первая

Эйра — Резонатор без памяти, Архивариус без контракта, беглянка без лица. Она помнит только своё имя — и обещание, которое должна сдержать любой ценой. Когда-то она прыгнула в Тишину, чтобы спасти ту, кто доверился ей. Но проснулась на Пороге — нижнем пласте, где людей перемалывают контракты, цепи режут руки, а Свора забирает каждого, кто нарушит слово.

Она не помнит, кто её предал. Она не помнит, кому обещала вернуться. Но внутри неё пульсирует чёрный глаз — отметина Пустоты, которая не отпускает свою добычу.

Чтобы подняться наверх — к Шёпоту, к Архиву, к разгадке — ей придётся пересечь мёртвую Тень, собрать отряд изгоев и заплатить за проход тем, что осталось. Но бывший наставник уже переписывает её контракт на себя. Время истекает. А тьма внутри ждёт своего часа.

Мрачное фэнтези о долгах, обещаниях и цене свободы. Первая книга цикла о пластах, где каждый шаг вверх может стать последним.

Содержание

Пролог: «Частота»	4
Глава 1: «Порог»	9
Глава 2: «Контракт»	18
Глава 3: «Цепи»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Изломанная. Порог забвения

Пролог: «Частота»

Эйра бежала.

Волосы — жёсткие, пепельно-серые, собранные неровным пучком на затылке — выбились и хлестали по лицу. Она не замечала их раньше — Резонаторы не обращают внимания на такие мелочи. Но сейчас каждый удар пряди по щеке оставлял саднящий след.

На ней была лёгкая туника из эфирной паутины — полупрозрачная, серебристая, сотканная из застывших звуков. Такая одежда вибрировала в такт дыханию владельца. Но сейчас она сбилась, скомкалась, липко прилипла к потной спине.

Шёпот — её родной пласт — схлопывался.

Платформы под ногами ходили ходуном. Эйра споткнулась о край треснувшей плиты — и едва не полетела вниз. Сердце — а у Резонаторов оно бьётся в животе, справа, ближе к печени — бешено заколотилось. Она выставила руки, поймала равновесие.

Внизу, в разрыве между платформами, разверзлась Тишина.

Эйра никогда не видела её так близко.

Это было похоже на масляное озеро — чёрное, густое, без единого блика. Оно пульсировало, вздуваясь пузырями размером с голову, — и лопалось без звука. Абсолютно без звука. Даже воздух вокруг Тишины казался плотным, как студень.

Эйра знала: если она упадёт туда — эфир в её костях перестанет звучать. И тогда тело просто разойдётся по волокнам — как старая ткань, которую тянут за нитку.

— Ты не сможешь!

Голос наставника ударил вибрацией прямо в грудину — так сильно, что заложило уши. Эйра обернулась на бегу.

Торвальт нагонял её. Огромный — под два метра, с развёрнутыми плечами — он занимал собой половину платформы. Его туника — из той же эфирной паутины, но старая, с множеством заплат, свисающая с плеча — развевалась на бегу, открывая грудь, покрытую глубокими резонаторными бороздами.

Борозды светились тускло-синим — он был на пределе. Каждая линия на его теле пульсировала в такт бешеному сердцебиению.

Лицо — без рта, с плотно сжатой линией губ, с высокими скулами — искажала гримаса. Не гнева. Страх.

— Если ты это сделаешь — контракт разорвётся! — его грудная клетка вибрировала так, что у Эйры заныли зубы.

— Ты потеряешь себя, слышишь?!

Она не остановилась. Впереди — край платформы. Гладкий, сточенный ветрами. А за ним — чёрная маслянистая стена Тишины.

Эйра на мгновение замерла.

Ветер — резкий, пахнувший озоном — ударил в лицо. Волосы хлестнули по глазам. Она поправила лямку туники, сползшую с плеча, — машинально, не думая. Пальцы коснулись резонаторных пластин на подушечках — тёплых, пульсирующих в такт пульсу.

Сердце колотилось где-то в горле. Страх отдавал металлом на языке — горьким, щиплющим.

Она посмотрела вниз.

Тишина ждала. Она дышала — медленно, ритмично. Как огромный зверь, притворяющийся спящим.

В голове мелькнул обрывок — не воспоминание, а ощущение. Кто-то держал её за руку. Тёплая ладонь. И голос — женский, мягкий: «Ты обещала...»

Эйра зажмурилась. Сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Прости, — выдохнула она беззвучно.

Шагнула в пустоту.

Чернота сомкнулась вокруг неё, как челюсти.

Первое, что ударило — тишина.

Не та, к которой она привыкла на Шёпоте. Там даже в самой глубокой паузе есть лёгкий гул — дыхание эфира, вибрация платформ, шёпот контрактов. Здесь — абсолют. Он

ударил по ушам физически — как вата, забитая в ушные каналы. Эйра открыла рот, чтобы закричать, — и поняла, что не слышит собственного крика. Горло дёрнулось, связки напряглись — и звук умер, не родившись.

Холод ударил вторым.

Не просто холод — отсутствие температуры. Он проник под тунику, забрался под кожу, заполнил лёгкие. Эйра почувствовала, как немеют губы — новые, прорезанные шрамом, которых у неё раньше не было.

А потом тело начало разваливаться.

Она смотрела на свои руки — и видела, как кожа плывёт. Стекает с костей, как разогретый воск. Резонаторные пластины на подушечках пальцев сворачивались, отслаивались, таяли в черноте.

Боль пришла не сразу. Сначала — онемение, потом — жжение, а затем — ломота в каждой кости, будто их выкручивали из суставов.

Эйра зажмурилась — и почувствовала, как потекло по щекам горячее. Глаза плавились.

Она попробовала вдохнуть — и в лёгкие хлынула пустота. Не воздух. Не эфир. А что-то плотное, тяжёлое, как ртуть. Оно заполнило её изнутри, вытесняя кровь, втираясь в кости, заменяя собой каждую клетку.

И в этот момент — голос.

Он не пришёл извне. Он родился внутри неё — в груди, под рёбрами. Низкий, дребезжащий, как треснувший коло-

КОЛ:

— Ты обещала.

Эйра попыталась вспомнить.

Перед внутренним взором мелькнула картинка — размытая, рваная. Чья-то рука, сжимающая её запястье. Сигиллы на пальцах — Архивариус? Лицо размыто, только контур. И голос, тот же самый, мягкий, женский: «Ты должна вернуться. Ты обещала...»

— Ты забыла, — продолжал голос изнутри.

Эйра хотела ответить «нет». Хотела сказать, что помнит, — но рта уже не было. Губы растворились. Челюсть отвисла, разваливаясь на части.

— Но я помню.

Контракт сработал.

Чёрная жижа — плотная, вязкая, как смола, и холодная, как космический вакуум — хлынула в неё. Заполнила пустоты внутри. Выжгла остатки того, чем она была.

Она чувствовала, как её пересобирают. Как кости плавятся и застывают заново — более плотные, более тяжёлые. Как кожа натягивается на новое тело — грубое, приземистое, чужое.

И напоследок — обещание, впечатанное в самую сердцевину:

— Ты заплатишь. Но ты будешь жить.

Сознание погасло.

Глава 1: «Порог»

Сознание возвращалось кусками.

Сначала — запах. Ржавчина, смешанная с сыростью. Затхлая вода. И что-то ещё — резкое, химическое, от чего щипало в носу.

Потом — звук. Капала вода. Металлический звон — кап... кап... кап... Где-то далеко скрежетал металл по металлу.

Потом — свет.

Эйра открыла глаза.

Над ней — ржавый металлический потолок. Неровный, в потёках. В углу расплылось влажное пятно, в котором копошились мелкие светящиеся точки. Не плесень. Что-то вроде биолюминесцентных лишайников.

Она попробовала сглотнуть — горло царапнуло так, будто его драли наждачной бумагой.

Эйра приподнялась на локтях.

Под ней была койка — сварная металлическая рама, на которой лежал матрас, набитый то ли мхом, то ли стружкой. Сквозь протёртую ткань торчали жёсткие волокна.

Она села.

Спина затекла — ныли мышцы, которых раньше не было. Эйра опустила взгляд на себя — и замерла.

На ней была роба. Грубая, тёмно-серая, похожая на тю-

ремную. Рукав короткий — до локтя. Длина — почти до щиколоток. Ткань плотная, но старая, протёртая на коленях. На груди — карман, застёгнутый на металлическую кнопку. Воротник глухой, высокий — натирает шею.

Эйра провела пальцами по воротнику. Пальцы — короткие. Грубые. Ногти обломанные, с чёрной каймой грязи. Никаких резонаторных пластин — просто плотные подушечки.

Кожа — бледно-серая, с мелкими трещинками в сухих местах. На левом запястье — браслет. Тонкий, металлический, тускло-серый. На нём — смутный узор, похожий на письмо на.

Она провела языком по зубам — и наткнулась на губы.

Мягкие. Влажные. Чужие.

Эйра дотронулась до рта — и правда, разрез от носа до подбородка. Она провела пальцем по верхней губе — по краю шёл тонкий шрам, будто губы прорезали ножом, открывая рот, которого не было.

— Очухалась?

Голос — грубый, сиплый — раздался справа.

Эйра дёрнулась и повернула голову. Шея хрустнула.

На соседней койке сидел мужик.

Он был большой — не высокий, а широкий. Раздавшийся в плечах, с мощной, чуть сутулой спиной. Одежда — плотная куртка из тёмно-коричневой кожи, многократно залапанная грубыми стежками. На плечах — металлические накладки, потёртые, в царапинах. Ворот куртки высокий, ме-

ховой — мех вытерт до лысин, но когда-то был белым.

Штаны — из грубой мешковины, заправлены в высокие сапоги. Сапоги старые, со сбитыми носами, обмотанные у щиколоток верёвками вместо шнурков.

На поясе — широкий ремень с массивной пряжкой. На ремне — ножны с длинным ножом, рукоять обмотана синей изолентой.

В руках мужик держал кружку — металлическую, помятую. От кружки шёл пар. Пахло чем-то травяным и горьким.

Но главное — лицо.

Обветренное. Глубокие морщины у глаз и губ. Щетина — седая, с рыжиной, торчащая клочьями. На левой скуле — старый шрам, похожий на ожог. Нос — сломанный, с горбинкой.

И глаза.

Правый — мутно-серый, подёрнутый бельмом.

Левый — чёрный. Не тёмно-карий, а именно чёрный, без зрачка, без белка. Абсолютная чернота, в которой, если прищуриться, пульсировали крошечные искры — как далёкие звёзды.

Этот глаз смотрел на неё в упор. От его взгляда по коже побежали мурашки, и Эйра поёжилась — роба оказалась тонкой, а в комнате было холодно.

— Ты на Пороге, — сказал он.

Голос низкий, с хрипотцой. Он говорил медленно, растягивая слова. Сплюнул в жестяную банку, стоявшую на полу,

— плевок был тёмным, с эфирной слизью.

Эйра медленно обвела взглядом комнату. Маленькая каморка. Металлические стены, покрытые рыжими потёками. В углу — стол, сбитый из досок, на нём — керосиновая лампа. Лампа коптила, и в воздухе пахло горелым маслом.

— Слышала про такое? — спросил мужик.

Она попыталась вспомнить. В голове — не белая стена. Серый туман. Она помнила бег. Торвальта. Тишину. Боль в глазах, когда они плавились. А потом — чернота и голос.

И всё.

— Слышала, — ответила она.

Свой голос резанул слух. Хриплый, низкий. Чужой. Она закашлялась — горло снова царапнуло.

Мужик протянул ей кружку.

— Пей.

Эйра взяла. Пальцы дрожали. Кружка была горячей — тепло разлилось по ладоням. Она поднесла к губам, отхлебнула.

Жидкость обожгла язык — горькая, терпкая, с привкусом дыма. Но горло перестало саднить.

— Контракт подпишешь — получишь койку, — сказал мужик, забирая пустую кружку. — Не подпишешь — Пустота дожрёт остатки.

Эйра нахмурилась.

— Какой контракт?

Мужик усмехнулся. Кривая, насмешливая улыбка обна-

жила щербатые зубы.

— Тот, что ты заключила, когда прыгала в Тишину, дура.
— Он почесал щетинистый подбородок — ногти скрипнули по щетине. — Ничего не помнишь?

Эйра покачала головой.

— Нихрена себе, — крикнул мужик. Он поднялся, тяжело опираясь на колено, хрустнув суставами.

В полный рост он оказался невысоким — чуть выше неё. Но широким, плотным, как старый пенёк.

— Вставай, — сказал он. — Покажу, где твой новый дом.

Эйра спустила ноги с койки.

Она была босая. Стопы — широкие, с грубой кожей, с натоптышами на пятках. Пальцы ног — короткие, с обломанными ногтями. Эйра встала — и пошатнулась.

Центр тяжести сместился. Она привыкла к лёгкому, вибрирующему телу — высокому, гибкому. Теперь — плотная, приземистая масса. Ноги будто налились свинцом.

— Ничего, привыкнешь, — хмыкнул мужик, заметив её замешательство. — Тело — не главное. Главное — контракты.

Он подошёл к двери — тяжёлой, металлической, с массивным засовом. Отодвинул засов с лязгом — и толкнул дверь.

Эйра вышла следом.

Порог встретил её холодом.

Он ударил в лицо — резкий, неживой, без запаха. Просто холод, пробиравшийся под робу, под кожу, к самым костям.

Эйра замерла.

Вокруг — пустота.

Не космос. Она видела космос — над Шёпотом было небо, тёмно-фиолетовое, с редкими звёздами. Здесь — абсолютная чернота. Она давила на глаза. Она была везде — сверху, снизу, со всех сторон. Только редкие платформы — ржавые квадраты из металла и камня — висели в этой пустоте, как обломки корабля в бескрайнем море.

Платформы соединялись шаткими мостками — доски, перекинутые через пропасть, кое-где подвязанные цепями.

Под ногами — тонкий слой гравия, смешанного с ржавчиной. Он хрустел под босыми ступнями.

Эйра сделала шаг к краю платформы и выглянула вниз.

Там было темно. Темнота не просто отсутствовала — она двигалась. Медленно, лениво, как тяжёлая вода. Она дышала. Она смотрела в ответ.

По спине пробежал холодок — не от ветра. От узнавания. Она уже чувствовала эту темноту — когда падала в Тишину.

— Смотри, но долго не смотри, — раздался сзади голос мужика. — А то заметит.

Эйра отшатнулась от края. Сердце колотилось где-то в животе — она всё ещё не привыкла к новому расположению органов.

— Что это?

— Пустота. Настоящая.

Он подошёл и встал рядом. Сунул руки в карманы штанов

— кожа куртки натянулась на плечах, скрипнула.

— Там, наверху, — он мотнул головой куда-то вверх, — есть другие места. Архив, Улей, Шёпот... Красивые названия. Люди живут, контракты заключают, друг друга кидают. А мы здесь — просто держимся.

Он помолчал.

— Ниже нас — только Бездна.

Эйра подняла взгляд. Вверху — та же чернота, только редкие платформы уходили в неё, как ступени гигантской лестницы. Где-то далеко горел красный огонёк — может, другой город. Или маяк.

— А что в Бездне? — спросила она.

Мужик усмехнулся — коротко, без веселья.

— Свора. Твари, которые жрут нарушенные обещания. Чем больше должен — тем вкуснее для них.

Эйра опустила взгляд на свои руки. На левом запястье — металлический браслет. Она коснулась его пальцами — холодный, гладкий.

Она поднесла руку к лицу — и коснулась левого глаза.

Он был чёрным. Таким же чёрным, как у мужика. Она нащупала пальцами край глазницы — и почувствовала слабую пульсацию. Будто там, глубоко внутри, билось крошечное сердце.

— Твой съеден, — сказал мужик, кивая. — Значит, Пустота взяла с тебя плату. Вопрос — за что? И кто теперь будет платить по твоим долгам?

Эйра опустила руку.

— Я хочу узнать.

— Узнать что?

— Что я обещала. И кому. И почему прыгнула в Тишину.

В голове мелькнул обрывок — тёплая ладонь, сжимающая её запястье. Сигиллы на пальцах. Женский голос: «Ты обещала вернуться...»

Эйра зажмурилась. Туман в голове сгустился — она пыталась ухватиться за видение, но оно ускользало, как вода сквозь пальцы.

— Есть кое-что, — прошептала она. — Кажется... меня кто-то ждёт.

Мужик скосил голову, прищурился. Чёрный глаз блеснул.

— Тогда тебе придётся подняться наверх. На другие пласты. И найти тех, кто помнит.

— А это возможно?

— Возможно, — он хмыкнул. — Но готовься платить. В этом мире за всё платят.

Он помолчал, глядя в черноту перед собой. Потом повернулся к ней и протянул руку. Ладонь — широкая, в мозолях, с обломанными ногтями.

— Меня, кстати, зовут Корш, — сказал он. — Бывший Архивариус. Бывший контрактник. Бывший много кто. А теперь — просто мужик, который чинит цепи и не лезет не в свои дела.

Эйра помедлила секунду. Потом пожала его руку — ла-

донь у него была тёплой, шершавой, сильной.

— А как зовут тебя — ты пока не знаешь, — сказал Корш, отпуская её руку. — Всё забыла, помнишь? Но это ничего.

Он развернулся и пошёл обратно.

— Идём, найду тебе нормальную одежду. А то замёрзнешь в этой робе.

Эйра ещё раз посмотрела вниз, в пустоту. Она чувствовала её — холодную, голодную, ждущую.

Она сжала кулаки. Чёрный глаз пульсировал в такт сердцу.

Она была готова платить.

Глава 2: «Контракт»

Корш привёл её обратно в каморку.

Дверь лязгнула, закрываясь. Эйра снова оказалась в помещении — тесном, прокуренном, с коптящей лампой на столе. Она заметила, что на стене напротив койки висит доска — истёртая, с остатками каких-то записей. Когда-то на ней писали мелом. Теперь — только разводы.

— Садись, — Корш кивнул на табурет.

Эйра села. Деревянная поверхность была холодной и неровной — одна ножка короче, табурет покачивался.

Корш подошёл к столу, подвинул лампу, отчего тени в углах каморки дёрнулись и поползли по стенам. Он открыл ящик и достал свёрток — тёмную ткань, перевязанную бечёвкой.

— Это тебе, — бросил он свёрток на койку. — Снимай робу.

Эйра покосилась на него.

— Отвернуться? — усмехнулся Корш. — Не бойся, я стар для таких игр. И потом — на Пороге наготу видели такую, что тебе и не снилось.

Эйра помедлила, но всё же стянула через голову робу.

Под ней оказалось тело, которого она не узнавала.

Кожа — бледно-серая, с синеватым отливом в складках. Плечи широкие, ключицы выступают резко, как два крыла.

Грудь плоская, почти мальчишеская. Живот подтянутый, но не рельефный, как у атлета, а плотный, как у человека, привыкшего таскать тяжести.

Она провела рукой по рёбрам — кости прощупывались отчётливо. Она была худой, но не истощённой. Жилистой.

На левом боку, чуть ниже рёбер, она заметила шрам. Не старый — розоватый, ещё не до конца заживший. Формой — как след от укуса. Эйра коснулась его пальцами — кожа оказалась чувствительной, слегка горячей.

— Долго будешь себя разглядывать? — хмыкнул Корш. Он стоял спиной к ней, глядя на дверь. — Одежда ждёт.

Эйра развернула свёрток.

Внутри оказались:

Рубаха — из плотной, чуть колючей ткани, тёмно-синяя, почти чёрная. Длинный рукав, глухой ворот на шнуровке. Эйра натянула её через голову — ткань пахла дымом и сухой травой. Рубаха была великовата в плечах, но по длине сидела нормально.

Штаны — из такого же материала, с широким поясом и множеством карманов. На коленях — нашивки из более грубой кожи. Штаны оказались чуть коротковаты — щиколотки остались открытыми.

Жилет — без рукавов, из тёмно-коричневой кожи, потёртый, с металлическими заклёпками по краям. Внутри — подкладка из чего-то мягкого, похожего на войлок.

Сапоги — старые, но крепкие. Голенище до середины ик-

ры, подошва толстая, рифлёная. Внутри — стельки из прес-сованной травы. Эйра сунула ноги — сапоги сели плотно, но не жали. Кто-то носил их до неё — подошва была стоптана по форме чужой стопы.

И пояс — широкий, кожаный, с медной пряжкой. На поясе — пустые петли для подсумков и ножен.

— Обувайся, — сказал Корш, не оборачиваясь. — И выходи. Покажу, где контракты подписывают.

Эйра вышла следом за Коршем на платформу.

Она чувствовала себя иначе — одетая, обутая. Сапоги твёрдо стояли на гравии. Пояс ощущался весом на бёдрах. Жилет стягивал плечи, заставляя держать спину прямее.

Корш повёл её по мосткам.

Платформы соединялись переходами — доски, кое-где подгнившие, кое-где заменённые свежими. Под ногами хлюпала вода — или не вода, а какая-то маслянистая жидкость, пахнущая металлом. Внизу, под мостками, чернела Пустота.

По пути им встречались люди.

Первым попался старик, сидящий на корточках у края платформы. Он чинил цепь — звено за звеном, не спеша, с застарелой сосредоточенностью. Одежда на нём была — лохмотья, перемотанные верёвками. Лицо — в глубоких морщинах, глаза белые, слепые. Но руки двигались уверенно, на ощупь находя нужные звенья.

Старик поднял голову, когда они проходили мимо. Белые глаза уставились в пустоту.

— Новенькая? — спросил он. Голос дребезжащий, как сухая ветка.

— Ага, — коротко ответил Корш, не сбавляя шага.

— Долго не протянет, — равнодушно сказал старик и снова уткнулся в цепь.

Потом они прошли мимо двух женщин — те тащили ящик. Ящик был тяжёлый — женщины пыхтели, обмениваясь короткими ругательствами. Одна — крупная, с красным лицом, вся в поту. Вторая — худая, с жёстким взглядом и намотанным на голову платком.

Худая скользнула взглядом по Эйре, задержалась на мгновение — и отвернулась. Сплюнула под ноги.

— Ещё одна, — слышала Эйра её голос, когда они прошли мимо. — Пустотная.

Эйра сжала челюсти. Но промолчала.

Они подошли к большой платформе. Центральная, судя по всему. Здесь былолюдно — человек двадцать сновали туда-сюда. В центре платформы стояло массивное каменное здание — единственное, что она видела на Пороге, сделанное не из металла и дерева, а из настоящего, грубо отёсанного камня.

Над входом — тусклый фонарь, излучавший болезненно-жёлтый свет.

— Контора, — коротко сказал Корш. — Заходи.

Внутри было душно.

Пахло потом, дешёвым табаком и старой бумагой. Вдоль

стен — столы, заваленные бумагами. За столами сидели люди — кто-то писал, кто-то спорил, кто-то просто сидел, уставившись в пространство.

В дальнем конце зала — стойка. Высокая, из тёмного дерева, с металлической решёткой до середины.

За стойкой сидела женщина.

Эйра сразу обратила на неё внимание. Не потому, что она была красивой, — она была странной.

Женщина была прозрачной.

Нет, не до конца — не как призрак. Её кожа отливала перламутром, и сквозь неё, если присмотреться, можно было увидеть тёмные очертания внутренностей. Сердце билось за рёбрами — тусклый силуэт, пульсирующий в такт дыханию.

Капельница.

Она подняла голову, когда они подошли. Глаза — бледно-жёлтые, с вертикальными зрачками. Волос не было — вместо них по голове струились тонкие щупальца, подрагивающие в такт дыханию.

— Корш, — сказала она. Голос журчащий, как вода по камням. — Привёл новую? Редко ты приводишь кого-то живого.

— Сама пришла, — пожал плечами Корш. — Оформи ей стандартный контракт.

Женщина перевела взгляд на Эйру.

— Имя?

Эйра открыла рот — и поняла, что не знает ответа.

Она замолчала.

В голове — пусто. Она попыталась вспомнить, как её зовут, — и наткнулась только на серый туман.

— Я... — начала она и запнулась.

Женщина за стойкой изогнула бровь — щупальца на её голове дёрнулись.

— Без имени? — спросила она. — Это проблема. Контракт без имени не действует.

— У неё память отшибло, — вмешался Корш. — Пиши как-нибудь.

Женщина поджала прозрачные губы.

— Не могу. Имя — это первый якорь контракта. Без него Пустота не поймёт, к кому привязан долг.

Эйра стояла, чувствуя, как начинает закипать злость.

Она не помнит. Она ничего не помнит. Даже собственного имени.

Эйра сжала кулаки — и в этот момент левый глаз дёрнулся.

Боль — резкая, как укол иглы — пронзила глазницу. Эйра зажмурилась, схватившись за лицо.

И в темноте, под веками, всплыло имя.

Не голос. Не видение. Просто знание, которое уже было в ней — глубоко, на дне, под слоем тумана.

— Эйра, — выдохнула она. — Меня зовут Эйра.

Женщина за стойкой прищурилась. Записала что-то в бумагу.

— Эйра, — повторила она. — Без фамилии?

— Без, — отрезала Эйра.

— Хорошо. Контракт стандартный: койка, паёк, право на ремонт. Взамен — сорок часов работы в неделю на общину и десятина с любых сделок. Срок — до твоей смерти или до выкупа контракта.

Женщина подвинула бумагу через стойку.

— Подписывай.

Эйра взяла бумагу.

Текст был написан мелким, убористым почерком — она с трудом разбирала буквы. Но смысл улавливала: она получает кров и еду, а взамен отдаёт часть своей свободы.

— Подписывать надо кровью? — спросила она, вспомнив рассказы о старых контрактах.

— Нет, — женщина указала на чернильницу. — Но если хочешь кровью — могу организовать. Чернила дешевле.

Эйра макнула перо в чернильницу и вывела своё имя внизу листа.

Буквы получились корявыми — рука не слушалась, почерк был детским, неуверенным. Но это было её имя.

Женщина забрала бумагу, посыпала песком, стряхнула.

— Готово, — сказала она. — Добро пожаловать на Порог, Эйра.

Они вышли из конторы.

На улице стемнело — хотя Эйра не была уверена, что на Пороге есть понятие «день». Просто свет фонарей стал ярче,

а чернота вокруг — гуще.

Корш остановился у входа, закурил — скрученную самокрутку, от которой пахло горелой травой.

— Поздравляю, — сказал он. — Ты теперь официальная жительница Порога. Имеешь право на еду, койку и защиту общины.

— А обязанности? — спросила Эйра.

— Сорок часов работы. Будешь чинить цепи. Других вакансий тут нет.

Эйра посмотрела на свои руки. Грубые пальцы, мозоли, грязь под ногтями.

— Когда начинать?

— Завтра, — Корш выпустил клуб дыма. — Сегодня — адаптируйся. Ешь, спи, привыкай к телу. Завтра начнётся твоя новая жизнь.

Он развернулся и пошёл обратно к камерке.

Эйра задержалась на минуту.

Она стояла на краю платформы, глядя в черноту.

В голове — туман. Но в груди — пульс. Как напоминание: она жива. Она что-то обещала. И она узнает, что именно.

Эйра развернулась и пошла за Коршем.

Сапоги твёрдо стучали по доскам. Пояс ощущался на бёдрах. Чёрный глаз пульсировал в темноте.

Она была готова.

Глава 3: «Цепи»

Эйра проснулась от холода.

Он забрался под одеяло — тонкое, колючее, пропахшее чужим потом — и выел всё тепло, которое она скопила за ночь. Она открыла глаза и несколько мгновений смотрела в ржавый потолок, пытаясь вспомнить, где находится.

Порог. Каморка Корша. Новая жизнь.

Она села, растирая замёрзшие плечи. В углу каморки на табурете стояла кружка и лежал кусок хлеба — тёмного, плотного, с вкраплениями какой-то крупы. Рядом — площадка с мутной жидкостью, похожей на разбавленное молоко.

— Жри и выходи, — раздался голос Корша.

Он сидел на своей койке, уже одетый, и наматывал на руку верёвку — новую, жёлтую, пахнущую смолой. Глаза его были припухшими — видно, спал он мало. Но движения оставались точными, уверенными.

Эйра взяла кружку. Жидкость оказалась тёплой, травяной, с горьковатым привкусом. Хлеб — жёстким, почти чёрствым, но сытным. Она жевала молча, чувствуя, как еда разбухает в желудке, успокаивая голод.

— Работать будешь со мной, — сказал Корш, закончив с верёвкой. — Покажу, что к чему. Цепи тут — главное. Если цепь рвётся — платформу уносит в Пустоту. А вместе с ней — всех, кто на ней стоит.

— Давно ты здесь? — спросила Эйра.

— На Пороге? — Корш задумался, почесал щетинистый подбородок. — Лет десять. Может, двенадцать. Я здесь сбился со счёта. Дни тут не считают — просто живут, пока Пустота не заберёт.

— А до этого?

— До этого был на других пластах. — Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой, без веселья. — Архивариусом был. Но это долгая история, а нам пора.

Он поднялся и кивнул на дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.